ЮРИЙ ЖУКОВ
ВАДИМ КОЖИНОВ
ЮРИЙ МУХИН

ЗАГАДКА 37-ГО

ТРИ ОТВЕТА НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Юрий Николаевич Жуков
Вадим Валерианович Кожинов
Юрий Игнатьевич Мухин

Загадка 37-го. Три ответа на вызовы (сборник)

Серия «Великая чистка 1937 года»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22826185
Загадка 37-го. Три ответа на вызовы: Алгоритм; Москва; 2017
ISBN 978-5-906880-89-5

Аннотация

В чем причина сталинских репрессий 1937 года? Каков был их масштаб? Какую роль они сыграли в истории нашей страны? Ответы на эти вопросы, которые по-прежнему занимают исследователей, политологов, публицистов, да и всех, кому интересно прошлое СССР, – в этой книге трех известных авторов.

Каждый из них раскрывает определенный аспект темы: Ю. Жуков основное внимание уделяет реформам государственного аппарата в 1937 году, В. Кожинов пишет о переменах в национальной идеологии, Ю. Мухин рассказывает о борьбе с «пятой колонной» в СССР в 1930-е годы. Обширность фактического материала, глубокий его анализ, доступность и

простота изложения – все это присутствует в работах Ю.Н. Жукова, В.В. Кожинова и Ю.И. Мухина.

Содержание

В. В. Кожинов. Загадка 37-го 6
Вожди и история 6
Загадка 37-го 21
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Юрий Мухин, Вадим Кожинов, Юрий Жуков Загадка 37-го. Три ответа на вызовы

© Жуков Ю. Н., Мухин Ю. И., Кожинов В. В., правообладатели, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

В. В. Кожинов. Загадка 37-го

Вожди и история

К сожалению, в литературе о революции большое место занимают чисто «субъективистские» толкования. Со времени известного XX съезда партии все сводили к злодейской личной воле Сталина, а в последнее время достаточно широко распространилось аналогичное истолкование гибели людей в первые годы революции, когда роль чудовищного злодея исполнял Ленин.

Характерный образец такого истолкования – книга Владимира Солоухина «При свете дня», изданная в 1992 году в Москве, но, как сообщается на последней ее странице, «при участии фирмы „Belka Trading Corporation“ (США)». У нашего известнейшего писателя есть свои очень весомые заслуги, но все же не могу умолчать, что данная его книга отнюдь не несет в себе того «света», который обещает ее заглавие. «Методология», сконструированная в многочисленных сочинениях о Сталине, предстает здесь даже в утрированном виде. Так, «причина» коллективизации «освещена» здесь следующим образом: «Сталину, постоянно бегавшему и скрывавшемуся от полиции (до 1917 года. – *В.К.*), в каждом бородатом мужике чудился враг, смертельный враг, го-

товый всякую минуту мгновенно кинуться ему под ноги… Свалить на землю, скрутить и сдать потом в полицию… И… дорвавшись до власти, Сталин именно на мужике начал вымещать, пусть с опозданием, всю свою злобу и обиды…» Вот оказывается, где корни трагедии 1929–1933 годов! Но в таком случае будет логичным сделать вывод, что виноваты сами «бородатые мужики»: не сдавали бы в свое время смутьянов в полицию, и Сталин не устроил бы им коллективизацию…

Не менее «замечательно» предложенное в книге «При свете дня» объяснение гигантских жертв и бедствий первых послереволюционных лет: причина-де в том, что Россией правил «человек с больным, пораженным мозгом, а значит… и с больной психикой… С агрессивными наклонностями… По личным распоряжениям, по указаниям, приказам Ленина уничтожено несколько десятков миллионов россиян» (с. 187, 189, 190).

Началось это уничтожение, утверждает В. Солоухин, уже в первые минуты власти Ленина – в ночь с 25 на 26 октября (7–8 ноября) 1917 года, когда по приказу вождя в Зимнем дворце арестовали министров Временного правительства и, «не мешкая ни часу, ни дня, посадили их в баржу, а баржу потопили в Неве» (с. 161–162). Дело не только в том, что перед нами непонятно откуда взявшаяся выдумка; не менее прискорбно искажение картины реального бытия русских людей в революционную эпоху: потопили баржу – и

дело с концом, между тем как и движение истории в целом, и судьбы отдельных людей являли собой исполненную прямо-таки невероятных поворотов и противоречий драму.

Ведь в действительности все пятнадцать арестованных в Зимнем дворце в 01.50–02.10 час. 26 октября (8 ноября) 1917 года министров Временного правительства (последнего его состава) были вскоре же освобождены, и большинство из них прожило долгую и по-своему содержательную жизнь. Так, министр исповеданий А. В. Карташев эмигрировал, был одним из наиболее выдающихся историков Православия и умер в 1960 году в Париже в возрасте 85 лет. А его коллега министр путей сообщения А. В. Ливеровский никуда не уехал, играл немалую роль в транспортных делах страны, в том числе в героическом строительстве «Дороги жизни» во время немецкой блокады Ленинграда, – города, где он и скончался уважаемым человеком в 1951 году в возрасте 84 лет.

Вообще же из пятнадцати арестованных 26 октября министров семь остались в России, а восемь эмигрировали. Живший во Франции военно-морской министр адмирал Д. Н. Вердеревский в 1945 году явился в посольство СССР, пил там за здоровье Сталина и даже успел стать гражданином СССР, хотя в 1946-м его постигла смерть (ему было 73 года). А исполнявший (в последние дни существования Временного правительства) обязанности военного министра генерал А. А. Маниковский не пожелал эмигрировать и стал –

ни много ни мало – начальником снабжения Красной армии, правда, ненадолго: в 1920 году он погиб в железнодорожной аварии.

Конечно, часть оставшихся в России министров не избежала репрессий, но умер насильственной смертью, насколько известно, только один из них – министр земледелия С. Л. Маслов. До 1929 года он был видным деятелем российской кооперации («Центросоюза»), а также преподавал в Московском университете и других высших учебных заведениях. В 1930-м его отправили в ссылку, в 1934-м он вернулся в Москву, но 20 июня 1938 года был расстрелян НКВД.

Словно ради некой трагической симметрии казнь постигла также и одного из эмигрировавших – министра-председателя Экономического совета С. Н. Третьякова – внука одного из создателей Галереи С. М. Третьякова: в декабре 1943 года он был расстрелян (согласно другим сведениям, ему отсекли голову) немецкими нацистами как виднейший тогда агент советской (!) контрразведки в Париже (он стал им еще в 1929 году – как раз в тот момент, когда в Москве его коллегу Маслова отстранили от руководящей работы в кооперации).

Владимир Солоухин зачем-то решил мгновенно отправить на невское дно всех этих людей с их удивительными судьбами (я сказал о шести из пятнадцати министров, но и истории остальных достаточно яркие). Нельзя не опровергнуть еще одного совершенно ложного утверждения В. Соло-

ухина. Он пишет, что-де «в первом составе Совета народных комиссаров соотношение евреев к неевреям 20:2» (с. 212). Между тем абсолютно точно известно, что в этом «первом составе» (утвержденном 26 октября) из 15 наркомов евреем был только один – Л. Д. Бронштейн (Троцкий), если не считать «еврейских корней» Ленина (евреем был его дед по материнской линии Бланк). Сравнительно небольшой оставалась доля евреев и в последующих составах Совнаркома – вплоть до середины 1930-х годов, когда около половины наркомов (но все же не девять десятых, как уверяет В. Солоухин) были евреями, в том числе наиболее важные наркомы внутренних и иностранных дел, путей сообщения, внешней торговли, оборонной промышленности и т. д.

Это вообще непростая и по-своему чрезвычайно интересная тема, к которой мы еще специально обратимся. Что же касается «информации», предлагаемой в книге «При свете дня», остается только руками развести – откуда такое берется?!

Как ни прискорбно, подобные вещи встречаются на многих страницах книги Владимира Солоухина, хотя несправедливо было бы умолчать, что то же самое характерно едва ли не для большинства нынешних сочинений о 1920–1930-х годах. Владимир Солоухин утверждает, что в 1918 году Ленин «бросил крылатую фразу: пусть 90 % русского народа погибнет, лишь бы 10 % дожили до мировой революции. Тогда-то заместитель Дзержинского Лацис (на деле – председатель ЧК

5-й армии. – *В.К.*) опубликовал в газете „Красный террор“ 1 ноября 1918 года своеобразную инструкцию всем своим подчиненным: „…Мы истребляем буржуазию как класс… Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти“…» (с. 145–146).

Но, во-первых, сия «крылатая фраза» принадлежит не Ленину, а Г. Е. Зиновьеву, который к тому же говорил о гибели 10, а не 90 %, а во-вторых, ознакомившись с тем же самым журналом (а не газетой) «Красный террор», Ленин тут же не без резкости заявил: «…вовсе не обязательно договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале „Красный террор“ товарищ Лацис… на стр. 2 в № 1: „не ищите (!!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом…“» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 310).

Вообще, нетрудно доказать, что Ленин как человек, стоявший во главе всего, вел себя умереннее многих деятелей того времени и не раз стремился занять «центристскую» позицию, хотя Владимир Солоухин голословно утверждает обратное. Доказательства ленинской умеренности еще будут приведены, а пока скажу о самом существенном.

В книге «При свете дня» многократно повторяется, что, мол, «болезнь мозга… в зрелом возрасте Владимира Ильича развила в нем чудовищную, бешеную, не знающую никаких преград агрессивность. Если бы больной сидел дома под при-

смотром родных – это одна картина. Но он волею судеб сделался диктатором над сотнями миллионов людей. И полились реки крови…» (с. 50). Притом диктатор «сидел в Кремле, защищенный… высокими зубчатыми стенами» (с. 78), и потому, мол, злодействовал без всякого риска.

Вот такое «толкование» истории… При этом как бы полностью исчезает бушевавшая в России в 1917–1922 годы революция, о которой Сергей Есенин сказал в 1924 году:

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело…

Тот ураган был небезопасен и для самого Ленина. Широко известно только одно покушение на его жизнь – 30 августа 1918 года. Но еще 1 (14) января этого года автомобиль, в котором Ленин ехал по центру Петрограда, был обстрелян залпом из нескольких винтовок, и лишь находчивость сидевшего рядом соратника спасла вождя: рука, которой спаситель мгновенно пригнул голову Ленина, была задета пулей… Через четыре дня, 5 (18) января, Ленин отправился разгонять Учредительное собрание, и ему, ввиду опасности, вручили револьвер, который был тут же у него украден и возвращен лишь на следующий день после настойчивых розысков. Далее, 10 марта в обстановке строжайшей секретности Ленин переезжает из опасного Петрограда в Москву, и ему преграждает путь эшелон, переполненный анархически настроенными матросами; положение спасает сопровождаю-

щий беглецов вышколенный батальон латышских стрелков, без которых Ленин вообще едва ли уцелел бы в 1918–1919 годах.

9 июля 1918 года автомобиль Ленина был обстрелян из револьверов у Николаевского (позднее Октябрьского) вокзала в Москве. 30 августа его – что общеизвестно – тяжело ранили. А 19 января 1919 года его автомобиль около Сокольников остановил знаменитый тогда, пользуясь нынешним словечком, «авторитет» Кошельков: предсовнаркома Ленин был вышвырнут (буквально) из своей машины, у него отняли бумажник и револьвер, а машину угнали и т. д.

Все это показывает, в какой стране, в каком мире правил диктатор… И я обратился к вышеизложенным фактам отнюдь не для того, чтобы вызвать «сочувствие» к Ленину и тем более как-то «оправдывать» его действия; цель моя – только в воссоздании истинного положения в послереволюционной России. Ураган, бушевавший в стране, был настолько всепроникающим, что и всевластный, казалось бы, диктатор не мог избежать его смертоносного натиска.

Атмосфера революции создавала достаточно напряженное положение и внутри самой власти. Хорошо известно, что любое существенное «решение» Ленина в 1917–1921 годах резко оспаривалось многими его соратниками, и ему приходилось вести нелегкую борьбу. Когда же в 1922 году его ослабила тяжелая болезнь, он не раз «проигрывал».

Владимир Солоухин возмущенно говорит в своей книге,

что в составе высшей революционной власти, которая объявила себя властью «рабочих и крестьян», «один только был экс-рабочий – М. И. Калинин, да и то его держали для вывески» (с. 81). Это действительно так, но В. Солоухин умалчивает (или же не знает), что в 1922 – начале 1923 года именно Ленин пытался кардинально изменить положение дел. В его последних сочинениях, известных под названием «Завещание», главная, стержневая мысль – мысль о необходимости безотлагательно передать верховную власть «рабочим и крестьянам, поставив их во главе нашей партии» (т. 45, с. 345); притом Ленин подчеркивал, что это должны быть рабочие и крестьяне, «стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет» (с. 348).

Когда говорят о «завещании» Ленина, как правило, сосредоточивают все внимание на содержащейся в нем «сенсационной» критике главных «вождей», особенно Сталина. Однако Ленин начал свое «завещание» заявлением о необходимости «предпринять… ряд перемен в нашем политическом строе (а не перемен в личном составе руководства. – *В.К.*) … В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни» (с. 343); в ЦК тогда числилось 27 человек, и Ленин далее объявил, что в новый орган высшей власти следует «выбрать 75–100… новых членов… из рабочих и крестьян» (с. 384), которые, следовательно, должны были занять три четверти (!) мест в этом всевластном органе.

И вот что поистине примечательно: «опасный» и потому засекреченный элемент ленинского «завещания» обычно усматривают в критике «вождей», а ведь в основе своей эта критика стала общеизвестной из ряда публикаций уже в 1927 году. Между тем важнейшие суждения Ленина о необходимости «передачи» власти из рук профессиональных революционеров в руки рабочих и крестьян были опубликованы только в 1956 году! Правда, в 1923 году появилась в печати ленинская статья «Как нам реорганизовать Рабкрин», но, во-первых, ее публикация поначалу вызвала решительное сопротивление всей партийной верхушки (собирались даже напечатать единственный спецэкземпляр «Правды» с этой статьей для успокоения Ленина), во-вторых, в этой статье главная мысль Ленина не выступала с такой ясностью, как в других его тогдашних текстах, и, наконец, сразу же после опубликования статьи в парторганизации было разослано письмо Политбюро и Оргбюро ЦК, в котором ленинская статья, по сути дела, дискредитировалась как полубред тяжелобольного человека.

Но важнее всего, конечно, тот факт, что настоятельное предложение Ленина ни в коей мере не было реализовано, хотя он видел в нем «шаг государственной важности» (с. 483). Вообще, как уже сказано, с самого начала тяжелой болезни Ленина его власть стали все более урезывать. Подчеркну еще раз, что, излагая факты, я не оцениваю (по крайней мере, пока не оцениваю) их, не ставлю вопроса о «право-

те» или «неправоте» какого-либо деятеля; речь идет только о характеристике реального положения в революционной России – положения, которое определяло судьбу и рядовых граждан, и самого Ленина.

* * *

Целесообразно еще раз сказать о существеннейшей «поправке» к подавляющему большинству нынешних рассуждений о варварстве и жестокости революционной политики. Как правило, эти крайне прискорбные явления пытаются объяснить, исходя из характера того или иного деятеля – характера, так сказать, политического и идеологического (хотя подчас выдвигается уж совсем поверхностная точка зрения, сводящая все к чисто индивидуальной психике, как в цитированной книге В. Солоухина). Отсюда и проистекает возложение всей «вины» на Сталина, а в последнее время – и на Ленина.

Между тем варварство и жестокость были порождены самим существом революционной эпохи. В связи с этим стоит еще раз вспомнить о Бухарине, которого постоянно сопоставляют со Сталиным. Нет сомнения, что Бухарин был если и не «мягким» (как заявляют его апологеты), то уж, во всяком случае, не столь уж «решительным» человеком, склонным к колебаниям и сомнениям (так, в 1918-м он являлся «самым левым» коммунистом, а в 1928-м – «самым

правым»). Однако и его политическое поведение определялось общей атмосферой эпохи и было в конечном счете не менее «жестоким», чем у других руководящих лиц. К сожалению, внедренный в умы «либеральный» бухаринский «имидж» заставляет многих попросту закрывать глаза на реальные факты.

Так, например, бывший министр юстиции В. А. Ковалев издал книгу, повествующую прежде всего о грубейших нарушениях правовых норм в 1920–1930-х годах (*Ковалев В.* Два сталинских наркома. М., 1995). Он размышлял, в частности, об известном Шахтинском деле 1928 года – о «вредителях» в Донбассе:

«Задолго до суда и даже до окончания предварительного следствия с изложением своей оценки Шахтинского дела выступил Сталин. В докладе на активе Московской партийной организации 13 апреля 1928 года этому делу он посвятил целый раздел: „Факты говорят, что Шахтинское дело есть экономическая контрреволюция, затеянная частью буржуазных спецов, владевших ранее угольной промышленностью. Факты говорят далее, что эти спецы, будучи организованы в тайную группу, получали деньги на вредительство от бывших хозяев, сидящих теперь в эмиграции, и от контрреволюционных антисоветских организаций на Западе“.

Так задолго до судебного разбирательства и вынесения приговора, – возмущался В. А. Ковалев, – факты были установлены, акценты расставлены, выводы сделаны… Вся по-

следующая судебная процедура заведомо превращалась в фикцию. Для того чтобы правильно понять мотивы… прямого и открытого вмешательства в деятельность уголовной юстиции по конкретному делу, следует иметь в виду политическую ситуацию, сложившуюся в то время в стране. Все большее распространение приобретали идеи так называемых „правых“ уклонистов во главе с Бухариным, Рыковым, Томским…»

Итак, с одной стороны, злодей Сталин, организующий Шахтинское дело, к тому же, как оказывается, для противостояния «правым», а с другой – «невинные» Бухарин и его сподвижники Рыков и Томский. Но на самом деле, во-первых, именно ближайший единомышленник Бухарина М. П. Томский возглавлял комиссию ЦК, расследовавшую «вредительство» в Донбассе, а во-вторых, в один день со Сталиным, 13 апреля 1928 года, Бухарин сделал доклад «Уроки хлебозаготовок, Шахтинского дела и задачи партии», где «расставил акценты» намного хлеще, чем Сталин!..

В Донбассе, заявил Бухарин, «при помощи рядовых рабочих раскрыли вредительскую организацию, которая через ряд посредствующих звеньев была связана с иностранным капиталом, с крупными иностранными капиталистическими организациями, с эмигрантскими кругами, наконец, с военными штабами некоторых иностранных держав. Она состояла в значительной мере из бывших собственников соответственных шахт и рудников, причем некоторые из них име-

ли очень гнусный контрреволюционный стаж… Она состояла из белогвардейских инженеров и техников, из которых многие оказались бывшими деникинцами, некоторые – бывшими контрразведчиками Деникина… Они имели связь через некоторых иностранных инженеров с заграницей, причем некоторые из этих инженеров оказались членами фашистских организаций… Идеологией этой организации являлось свержение Советской власти, восстановление капиталистического режима… Ближайшей их задачей была решительная спекуляция на войне и на новой интервенции… не исключена возможность существования организаций, подобной этой, в других областях; нет гарантии, что такая гнусность не завелась в военной промышленности или в химической; хотя прямых данных для этого предположения нет…».

Таким образом, Бухарин далеко «превзошел» Сталина и, между прочим, как бы разработал сценарий того «разоблачения», которое было применено через десять лет к нему самому… Естественно, и конкретное «решение» Бухарина по Шахтинскому делу было более жестоким, чем Сталина. Очень симпатизировавший Бухарину историк М. Я. Гефтер все же, в силу своей объективности, привел бухаринский рассказ о заседании Политбюро (*Гефтер М.* Апология слабого человека // Российская провинция. 1994. № 5), на котором утверждался приговор по Шахтинскому делу: «Он, – сказал Бухарин о Сталине, – предлагал ни одного расстрела по Шахтинскому делу (мы голоснули против)». Мы – это Бу-

харин, Рыков и Томский, к которым присоединилось большинство Политбюро. «…„Правые“, стало быть, за расстрел. И чем побуждаясь? – вопрошал в своей статье М. Я. Гефтер. – В пику Сталину? Блюдя в чистоте заповедь классовой борьбы?..»

Принято считать, что Сталин отказывался от жестоких решений только ради «игры». Допустим даже, что это так. Допустим и то, что тройка «правых» также проголосовала за расстрел ради «игры» – «в пику Сталину». Но это-то и обнаруживает с особенной наглядностью суть сознания и поведения руководителей революционной эпохи: они, не дрогнув, готовы расстрелять кого угодно и ради чего угодно… Когда 25 августа 1936 года были казнены Зиновьев и Каменев, Бухарин написал об этих людях, с которыми была теснейшим образом связана вся его жизнь: «Что расстреляли собак – страшно рад».

Могут сказать, что эти слова вызваны стремлением «отмежеваться» от «врагов народа». Но в чрезмерной резкости проступает привычная для Бухарина готовность без каких-либо треволнений «голоснуть» (по его словечку!) за убийство людей.

И это не «личная» черта, а типовой признак всех вождей революции, то есть черта историческая, которую бессмысленно специально выискивать в Сталине или Ленине и пытаться «не замечать» в том же Бухарине…

Загадка 37-го

Об этой «загадке» я, как и многие люди моего поколения, начал размышлять еще в 1950-х годах, в особенности, конечно, после ныне всем известного доклада, произнесенного Н. С. Хрущевым 25 февраля 1956 года на «закрытом заседании» XX съезда КПСС, но вскоре ставшего достоянием весьма широких кругов населения страны, поскольку его текст зачитывался на партийных и даже комсомольских собраниях.

Террор 1937 года предстал в этом докладе как следствие «культа личности Сталина», культа, который привел к (цитирую доклад) «сосредоточению необъятной, неограниченной власти в руках одного лица», требовавшего «безоговорочного подчинения его мнению. Тот, кто сопротивлялся этому или старался доказывать свою точку зрения, свою правоту, тот был обречен на исключение из руководящего коллектива с последующим моральным и физическим уничтожением… жертвами деспотизма Сталина оказались многие честные, преданные делу коммунизма, выдающиеся деятели партии и рядовые работники партии».

Некоторые из этих людей, говорилось в докладе, «совершали ошибки», – например, Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев, – но и их не следовало уничтожать: «Владимир Ильич требовал жестокой расправы с врагами революции и рабо-

чего класса и, когда возникала необходимость, пользовался этими мерами со всей беспощадностью… Но Ленин пользовался такими мерами против действительных врагов, а не против тех, которые ошибаются…»

В докладе цитировалось «Письмо» Ленина XII съезду ВКП(б) от 4 января 1923 года («Сталин слишком груб…» и т. п.) и утверждалось: «Те отрицательные черты Сталина, которые при жизни Ленина проступали только в зародышевом виде, развились… в тяжкие злоупотребления властью со стороны Сталина, что причинило неисчислимый ущерб нашей партии». Как было сообщено в докладе, на XIII съезде партии, в мае 1924 года (то есть уже после смерти Ленина), обсуждалось ленинское предложение о замене Сталина на посту генсека ЦК другим лицом, но все же, к прискорбию, решили, что Иосиф Виссарионович «сумеет исправить свои недостатки». Однако последний, мол, либо не сумел, либо не пожелал «исправиться»…

Итак, террор 1937 года был объяснен в знаменитом докладе, по сути дела, чисто личными качествами Сталина. Конечно, как констатировалось в докладе, 1937 год стал возможен в силу того обстоятельства, что вождь сосредоточил в своих руках «необъятную, неограниченную власть», но причиной террора были все же объявлены именно «отрицательные черты» сталинского характера, которые-де и привели к «тяжким злоупотреблениям» этой властью.

Со времени хрущевского доклада прошло много лет, од-

нако и по сей день «феномен 1937 года» во многих сочинениях по-прежнему истолковывается именно в этом духе. Таково, например, изданное с 1989 года громадными тиражами пространное сочинение А. В. Антонова-Овсеенко, сына известного революционного деятеля, который, в частности, руководил чудовищным по своей жестокости подавлением Тамбовского крестьянского восстания 1920–1921 годов, а затем назначался начальником Политуправления Реввоенсовета, прокурором РСФСР, наркомом юстиции РСФСР – на каковой должности он был в декабре 1937-го арестован и погиб. Позднее, в 1943-м, арестовали и его сына – будущего автора книги. Считая главным и даже вообще единственным виновником всех репрессий 1930–1940-х годов Сталина, А. В. Антонов-Овсеенко стремится представить его беспримерным патологическим злодеем. И 1937 год, с его точки зрения, породили присущие Сталину «всепожирающая месть и неутолимая злоба».

Можно понять точку зрения Антона Владимировича, безвинно пережившего тяжкие злоключения, но все же едва ли есть серьезные основания усматривать в Сталине некое уникальное средоточие злобности и мстительности, хотя об этом и говорили так или иначе многие. Беспощадные расправы с людьми, в том числе ни в чем не повинными, – неотъемлемая «особенность», даже своего рода «норма» поведения преобладающего большинства руководящих деятелей того времени; вспомним, как отец Антона Владимировича приказывал

расстреливать сотни тамбовских заложников, скорее всего, попросту и не знавших, где скрываются повстанцы, которых их принуждали под угрозой смерти выдать…

О том, что Сталин лично не был из ряда вон выходящим воплощением злобы и мести, достаточно убедительно свидетельствует хотя бы такой эпизод его жизни. В октябре 1942 года сын Сталина, Василий Иосифович, задумал снять кинофильм о летчиках и пригласил к себе известных режиссеров и сценаристов, среди которых были Роман Кармен, Михаил Слуцкий, Константин Симонов и Алексей (его звали в этой компании «Люся») Каплер – соавтор сценариев прославленных фильмов о Ленине, лауреат Сталинской премии, присужденной в 1941 году, и т. п.

Как вспоминала впоследствии дочь Сталина, Светлана Иосифовна, этот почти сорокалетний и уже располневший мужчина имел «дар легкого непринужденного общения с самыми разными людьми». Он стал показывать шестнадцатилетней школьнице Светлане заграничные фильмы с «эротическим» уклоном (кстати, на спецпросмотрах для двоих), вручил ей машинописный текст перевода хемингуэевского романа «По ком звонит колокол» (где десятки страниц занимает впечатляющее изображение «любви» в американском значении этого слова) и другие «взрослые» книги о любви, танцевал с ней игривые фокстроты, сочинял и даже публиковал в газете «Правда» любовные письма к ней и, наконец, приступил к поцелуям (все это подробно описано в воспо-

минаниях С. И. Сталиной). При этом нельзя умолчать, что дочь вождя отнюдь не отличалась женским обаянием (могу об этом свидетельствовать, поскольку в конце 1950 – начале 1960-х годов был сослуживцем Светланы Иосифовны в Институте мировой литературы Академии наук), а к тому же в 1942 году она еще не перешла рубеж подростковой «недоформированности» и, по ее собственному определению, «была смешным цыпленком». Словом, едва ли есть основания усматривать в описанном поведении «Люси» выражение роковой страсти, и трудно усомниться в том, что на деле «Люсей» была предпринята попытка «завоевания» дочери великого вождя…

Светлана Иосифовна писала впоследствии об отце: «Пока я была девчонкой, он любил целовать меня, и я не забуду этой ласки никогда. Это была чисто грузинская горячая нежность к детям…» Сказанное убедительно подтверждают опубликованные теперь переписка Сталина с дочерью (до сентября 1941 года – то есть незадолго до появления «Люси») и семейные фотографии. И вот в эти сентиментальные отношения вторгся чужой мужчина, о котором Сталин веско сказал дочери: «У него кругом бабы, дура!»

Попытка «совращения» многоопытным мужчиной несовершеннолетней школьницы сама по себе являлась предусмотренным Уголовным кодексом деянием, но Сталин, конечно же, никак не мог допустить официального расследования «дела», касающегося его дочери. И Каплеру, постоян-

но общавшемуся с иностранцами, НКВД предъявило 2 марта 1943 года стандартное обвинение в «шпионаже». Однако «наказание» было прямо-таки до изумления мягким: «Люсю» отправили заведовать литературной частью Воркутинского драматического театра (помимо этого – или даже позже – он работал фотографом)! Правда, через пять лет, в 1948 году, за самовольный приезд в Москву его осудили на пятилетнее заключение, но едва ли Сталин диктовал это новое наказание: оно было обычным в те годы за дерзкое нарушение режима ссыльного.

Впрочем, суть дела в другом. Не будет преувеличением утверждать, что почти каждый (или уж, по крайней мере, подавляющее большинство) человек с «кавказским менталитетом», окажись он на месте Сталина, – то есть в ситуации «совращения» дочери-школьницы сорокалетним мужчиной и при наличии безграничной власти – поступил бы гораздо более жестоко! В разгар своего «романа» Каплер выезжал в Сталинград (откуда прислал в «Правду» любовное письмо «лейтенанта Л.» – то есть «Люси», – вполне очевидно обращенное к Светлане). И Сталину ничего не стоило отдать тайный приказ пристрелить Каплера в прифронтовой обстановке, хотя, конечно, и в Москве для этого годился любой «несчастный случай»… Тем не менее сталинская «всепожирающая месть» (по выражению А. В. Антонова-Овсеенко) не пошла дальше «административной высылки» Каплера, которая в те суровые времена явно была редким исключением,

а не правилом: так, в 1943 году по «политическим» обвинениям в лагеря, колонии и тюрьмы было заключено 68 887 человек, а в ссылку отправлено всего только 4787 человек, – то есть лишь один из пятнадцати осужденных…

Все это, конечно, отнюдь не означает, что Сталин не диктовал самых жестоких приговоров, но вместе с тем история с Каплером вызывает самые глубокие сомнения в основательности версии об из ряда вон выходящей личной злобности и мстительности Иосифа Виссарионовича.

Впрочем, эта проблема, как мы еще увидим, вообще не имеет существенного значения, и я обратился к ней только для того, чтобы, так сказать, расчистить путь к пониманию действительного смысла 1937 года. В конце концов, даже если характер Сталина и был бы уникально «злодейским» (а «случай Каплера» являл, мол, собой некое странное отклонение от обычного поведения вождя), все равно объяснение террора 1937 года индивидуальной сталинской психикой – это крайне примитивное занятие, не поднимающееся над уровнем предназначенных для детей младшего возраста книжек, объясняющих всякого рода бедствия кознями какого-либо лубочного злодея…

В кругу моих друзей подобное «толкование» террора отвергалось и даже высмеивалось еще в конце 1950-х годов. В частности, я в то время, скрывая иронию, небезуспешно уверял иных простодушных собеседников, что 1937 год превосходно изображен в популярной стихотворной сказке Корнея

Чуковского «Тараканище». Сначала там рисуется радостная картина «достижений первых пятилеток»: «Ехали медведи на велосипеде… Зайчики – в трамвайчике, жаба – на метле… Едут и смеются, пряники жуют» и т. д. Но, увы, наступает 1937-й: «Вдруг из подворотни – страшный великан, рыжий (тут я сообщал, что Иосиф Виссарионович до того, как поседел, был рыжеват) и усатый та-ра-кан. Он урчит и рычит и усами шевелит: „Приводите ко мне своих детушек, я их нынче за ужином скушаю“. Звери задрожали – в обморок упали. Волки от испуга скушали друг друга (какая точная картина 1937-го! – комментировал я), а слониха, вся дрожа, так и села на ежа», – разумеется, на знаменитого наркома с «удачной» фамилией!

При этом я, естественно, умалчивал о том, что сказка «Тараканище» была опубликована не в 1938-м, а еще в 1923 году, и многие из тех, кому я читал процитированные только что строки, восхищались и меткостью, и редкостной смелостью сочинения Чуковского… И в конечном счете именно такое «толкование» 1937 года преподнесено в сочинениях о Сталине, написанных сыном Антонова-Овсеенко, или высокопоставленным армейским партаппаратчиком Волкогоновым, или литератором Радзинским, – сочинениях, которыми и по сей день увлекаются широкие круги людей, не отдающих себе отчета в том, что в основе «методологии» этих авторов как бы лежит та самая «модель», которая легла в основу увлекавшего их в детские годы «Тараканища»…

Впрочем, хватит об этом – в сущности, комическом – мифе о злодее Сталине, который-де единолично осуществил 1937 год (вернее, 1936–1938), когда были репрессированы 60–70 процентов людей, находившихся у власти – с самого верха и донизу, – хотя жестоко пострадали в той ситуации вовсе не только «руководители» (о чем еще будет речь). И громадные масштабы репрессий, между прочим, не скрывались. Еще в декабре 1956 года на широком обсуждении знаменитого тогда романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», состоявшемся в набитом битком зале Института мировой литературы, я процитировал сталинский доклад на XVIII съезде партии (10 марта 1939 года): «…за отчетный период (то есть с 1934 года – года предшествующего, XVII съезда. – *В.К.*) партия сумела выдвинуть на руководящие посты по государственной и партийной линии более 500 тысяч молодых большевиков, партийных и примыкающих к партии». Это значит, резюмировал я в своем выступлении, что более 500 тысяч людей, находившихся ранее на «руководящих постах», сумели «задвинуть»… Я был за это свое выступление подвергнут резким нападкам, в частности со стороны имевшего репутацию «либерала» (впоследствии – зам-редактора «Нового мира») А. Г. Дементьева, принадлежавшего к «номенклатуре ЦК» и в 1930–1960-х годах гибко повторявшего «извивы» генеральной линии партии (обсуждение признанного крамольным дудинцевского романа состоялось в Институте мировой литературы слишком «поздно» –

уже после венгерского восстания, разразившегося 23 октября 1956 года).

Кажется, совсем нетрудно понять, что «замена» более полумиллиона (!) руководителей никак не могла быть проявлением личной воли одного – пусть и всевластного – человека, и причины такого переворота неизмеримо масштабнее и глубже пресловутого «культа личности». Помню, как еще в те же давние времена Георгий Гачев предложил своеобразное объяснение 1937 года. Победившие в октябре 1917-го революционеры были убеждены, рассуждал он, что они сами по себе суть власть, что «Советское государство – это мы сами». Но затем постепенно создалась прочная и многосторонняя государственная структура, и люди, продолжавшие сознавать и вести себя так, как будто именно и только они являются воплощением всей власти, стали «лишними» и уже потому «вредными». Гачевская мысль производила особенно сильное впечатление и потому, что собственный его отец, – эмигрировавший в 1926 году в СССР болгарский революционер – был в 1938 году репрессирован и в 1945-м скончался в лагере…

Через много лет я встретил, в сущности, то же самое толкование в изобилующем проникновенными записями дневнике Михаила Пришвина:

«1 марта (1935)… Несколько дней занимает меня мысль о том, что всякая мораль имеет внутреннее стремление превратиться в учреждение. Замечательный пример – конец

Горького: превратился в учреждение… Так все движение интеллигенции, даже и анархистское, таило в себе государство, и умерла интеллигенция, и государство стало могилой интеллигенции…»

Тезис о том, что «революционеры» к середине 1930-х годов стали излишним «элементом», раскрывает только одну сторону дела, но все же он важен и объективен.

Скажу еще о том, что в кругу моих друзей уже сорок лет назад сложилось убеждение о неосновательности «деления» деятелей 1937 года по категориям «жертвы» и «палачи», – хотя и до сего дня попытки такого деления весьма популярны.

Помню, как на рубеже 1950–1960-х годов нас пригласили на «нелегальную» выставку рисунков заурядненьшего, но идеологически активного графика, поставившего задачу наглядно представить 1937 год. Одновременно с нами эти рисунки разглядывали артисты недавно созданного театра «Современник» во главе с Олегом Ефремовым. Они особенно заахали перед рисунком «Тройка», где были изображены сидящие на сцене страшные три обвинителя, а перед ними – многолюдный зал беззащитных обвиняемых. И я заметил тогда, вызвав недоумение и даже протест «либеральных» артистов, что эти трое судей почти наверняка вскоре будут пересажены в зал уже в качестве подсудимых…

Позднее факты подобного превращения вчерашних «палачей» в «жертвы» стали общеизвестны; так, например,

крупнейшие военачальники Я. И. Алкснис, И. П. Белов, В. К. Блюхер, П. Е. Дыбенко и другие 11 июня 1937 года осудили на расстрел своих сослуживцев В. М. Примакова, М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича, И. Э. Якира и других, но в следующем, 1938 году сами были расстреляны…

И те, кто занят ныне главным образом выявлением «палачей» и, с другой стороны, «жертв» 1937 года, едва ли способны приблизиться к пониманию сути дела – так же, как и те, кто видит главного или даже единственного «палача» в Сталине, в его личном характере и индивидуальной воле. То, что происходило в 1937 году, было своего рода завершением громадного и многогранного движения самой истории страны, начавшегося примерно в 1934 году, после периода коллективизации. За краткий срок страна очень резко, можно даже сказать, до удивления резко изменилась, хотя знающим историю России в XX веке нет оснований особенно удивляться быстроте колоссальных перемен.

Так, 10 (23) июня 1917 года Ленин на заседании Первого съезда Советов (большевики составляли там незначительное меньшинство – менее 10 процентов) объявил, что его партия готова взять власть в России. В 1930-х годах и позднее реакция эсеро-меньшевистского Съезда на это заявление изображалась в виде приступа бессильной злобы; между тем очевидец, известный литератор Вячеслав Полонский, вспоминал в 1927 году, «как в июне 1917 года Первый съезд Советов хохотал над заявлением Ленина… несколько минут, ко-

торые показались мне очень долгими, съезд не мог успокоиться от хлынувшего на него веселья». Однако не прошло и полгода, как «весельчаки» вынуждены были осознать свою полнейшую недальновидность…

Скорее всего, именно долгим хохотом встретили бы делегаты XVII съезда партии, избравшие 9 февраля 1934 года новый состав ЦК, чье-либо заявление о том, что в близком будущем почти две трети членов избранного ими верховного органа власти расстреляют «свои»… Но, повторяю, террор 1937 года – это только один из результатов совершавшейся с 1934 года политико-идеологической метаморфозы, хотя, конечно, наиболее поражающий ее результат…

* * *

Сосредоточение, даже, если прибегнуть к современному жаргонному словечку, «заклиненность» на фигуре Сталина фатально мешала и мешает увидеть реальное движение истории в 1930-х годах – движение, о котором достаточно весомо и верно сказал, например, такой деятель и идеолог, как Л. Д. Троцкий. Речь идет о его книге «Преданная революция», законченной к началу августа 1936 года (то есть еще до 1937-го и до расстрела Зиновьева и Каменева 25 августа 1936 года) и издававшейся также под названием «Что такое СССР и куда он идет?» Троцкий считал эту книгу «главным делом своей жизни». Однако нынешних авторов, пишущих

о 1930-х годах, как правило, интересуют другие сочинения Троцкого, написанные несколько позже, – сочинения, посвященные «разоблачению» личных пороков Сталина. Дело в том, что в левых кругах Запада в течение 1930-х годов все нарастал культ Сталина, Троцкого это крайне раздражало, и он стремился всячески дискредитировать своего победившего «соперника». Эти сочинения Троцкого гораздо более легковесны, чем «Преданная революция», о чем без обиняков говорится даже в апологетической книге Исаака Дойчера «Троцкий в изгнании».

В сочинении же «Преданная революция» Троцкий явно ставил перед собой задачу понять ход самой истории, а не личные сталинские «козни»: «Достаточно известно, – совершенно верно писал он, – что каждая революция до сих пор вызывала после себя реакцию или даже контрреволюцию, которая, правда, никогда не отбрасывала нацию полностью назад, к исходному пункту… Жертвой первой же реакционной волны являлись, по общему правилу, пионеры, инициаторы, зачинщики, которые стояли во главе масс в наступательный период революции… Аксиоматическое утверждение советской литературы, будто законы буржуазных революций „неприменимы“ к пролетарской, лишено всякого научного содержания».

И далее Троцкий конкретизировал понятия «реакция» и «контрреволюция» непосредственно на «материале» жизни СССР в середине 1936 года: «…вчерашние классовые вра-

ги успешно ассимилируются советским обществом… – писал он. – Ввиду успешного проведения коллективизации дети кулаков не должны отвечать за своих отцов»… Мало того: «…теперь и кулак вряд ли верит в возможность возврата его прежнего эксплуататорского положения на селе. Недаром же правительство приступило к отмене ограничений (это началось в 1935 году. – *В.К.*), связанных с социальным происхождением!» – восклицал в сердцах Троцкий.

Ныне об этой стороне дела уже мало кто знает, а между тем «ограничения» были чрезвычайно значительными. Так, например, в высшие учебные заведения принимались почти исключительно «представители пролетариата и беднейшего крестьянства». Выразителен в этом отношении написанный в октябре 1923 года «отчет» профессора факультета общественных наук (ФОН) Московского университета В. Я. Брюсова – знаменитейшего тогда поэта, ставшего в 1920 году большевиком. В отчете речь шла, в частности, о «чистке» студенческого состава: «…принимался во внимание и момент социальный… результат чистки оказался, в общем, удачным. Надо признать, что в прошлом, 1922–1923-м, академическом году состав студенчества ФОНа оставлял многого желать… В текущем году это значительно изменилось. Что касается 1-го курса, то в текущем году состав его должен оказаться совершенно иным, так как принимались почти исключительно окончившие рабфаки» (то есть подготовительные «рабочие факультеты»).

Отказ от такого рода «ограничений» возмущал Троцкого, хотя сам-то он вырос в весьма богатой семье… Резко писал он и о другом «новшестве» середины 1930-х годов: «По размаху неравенства в оплате труда СССР не только догнал, но и далеко перегнал (это, конечно, сильное преувеличение. – *В.К.*) капиталистические страны!.. трактористы, комбайнеры и пр., т. е. уже заведомая аристократия, имеют собственных коров и свиней… государство оказалось вынуждено пойти на очень большие уступки собственническим и индивидуалистическим тенденциям деревни…»

С негодованием писал Троцкий и о стремлении возродить в СССР семью: «Революция сделала героическую попытку разрушить так называемый „семейный очаг“, т. е. архаическое, затхлое и косное учреждение… Место семьи… должна была, по замыслу, занять законченная система общественного ухода и обслуживания», – то есть «действительное освобождение от тысячелетних оков. Доколе эта задача не решена, 40 миллионов советских семей остаются гнездами средневековья… Именно поэтому последовательные изменения постановки вопроса о семье в СССР наилучше характеризуют действительную природу советского общества… Назад к семейному очагу!.. Торжественная реабилитация семьи, происходящая одновременно – какое провиденциальное совпадение! – с реабилитацией рубля (имеется в виду денежная реформа 1935–1936 гг. – *В.К.*)… Трудно измерить глазом размах отступления!.. Азбука коммунизма объявлена

„левацким загибом“. Тупые и черствые предрассудки малокультурного мещанства возрождены под именем новой морали».

И другая сторона этой проблемы: «Когда жива была еще надежда сосредоточить воспитание новых поколений в руках государства, – продолжал Троцкий, – власть не только не заботилась о поддержании авторитета „старших“, в частности отца с матерью, но наоборот, стремилась как можно больше отделить детей от семьи, чтобы оградить их от традиций косного быта. Еще совсем недавно, в течение первой пятилетки (то есть в 1929–1933 годах. – *В.К.*), школа и комсомол широко пользовались детьми для разоблачения, устыжения, вообще „перевоспитания“ пьянствующего отца или религиозной матери… этот метод означал потрясение родительского авторитета в самых его основах. Ныне и в этой немаловажной области произошел крутой поворот: наряду с седьмой (о грехе прелюбодеяния. – *В.К.*) пятая (о почитании отца и матери. – *В.К.*) заповедь полностью восстановлена в правах, правда, еще без бога… Забота об авторитете старших повела уже, впрочем, к изменению политики в отношении религии… Ныне штурм небес, как и штурм семьи, приостановлен… По отношению к религии устанавливается постепенно режим иронического нейтралитета. Но это только первый этап…».

Наконец, возмущался Троцкий, «советское правительство… восстанавливает казачество, единственное милици-

онное формирование царской армии (имелось в виду постановление ЦИК СССР от 20 апреля 1936 года. – *В.К.*)… восстановление казачьих лампасов и чубов есть, несомненно, одно из самых ярких выражений Термидора! Еще более оглушительный удар нанесен принципам Октябрьской революции декретом (от 22 сентября 1935 года. – *В.К.*), восстанавливающим офицерский корпус во всем его буржуазном великолепии… Достойно вниманья, что реформаторы не сочли нужным изобрести для восстанавляемых чинов свежие названья (в сентябре 1935 года были возвращены отмененные в 1917-м звания „лейтенант“, „капитан“, „майор“, „полковник“. – *В.К.*)… В то же время они обнаружили свою ахиллесову пяту, не осмелившись восстановить звание генерала». Впрочем, Троцкий, который был убит 20 августа 1940 года, успел убедиться в последовательности «реформаторов»: 7 мая 1940-го и генеральские звания были возрождены…

* * *

Итак, Троцкий определил поворот, совершавшийся в середине 30-х годов, как «контрреволюцию» (которая, помимо прочего, закономерно привела в конце концов к уничтожению массы революционных деятелей; Троцкий написал приведенные выше тексты еще до второго суда над группой Зиновьева – Каменева, обрекшего ее на казни). Естественно,

может возникнуть вопрос о своего рода абсурде: в стране идут контрреволюционные изменения, а между тем репрессируемых квалифицируют именно как контрреволюционеров! Это было настолько общепринятым обвинением, что возникло даже ходовое словечко «каэры» (так произносилась аббревиатура «КР»). Но к вопросу об этом «абсурде» мы еще вернемся; рассмотрим сначала феномен «контрреволюции» 1930-х годов в освещении другого «наблюдателя».

В том же 1936 году, когда Троцкий писал о громадных изменениях, произошедших за краткий срок в СССР, о том же самом, но с прямо противоположной «оценкой» писал видный мыслитель Георгий Федотов, эмигрировавший из СССР осенью 1925 года, то есть сравнительно поздно (это обеспечило ему хорошее знание послереволюционного положения на родине). Он утверждал, что 1934 год начал «новую полосу русской революции… Общее впечатление: лед тронулся. Огромные глыбы, давившие Россию семнадцать лет своей тяжестью, подтаяли и рушатся одна за другой. Это настоящая контрреволюция, проводимая сверху. Так как она не затрагивает основ ни политического, ни социального строя, то ее можно назвать бытовой контрреволюцией. Бытовой и вместе с тем духовной, идеологической… право юношей на любовь и девушек на семью, право родителей на детей и на приличную школу, право всех на „веселую жизнь“, на елку (в 1935 году было „разрешено“ украшать новогодние – бывшие „рождественские“ – елки, что я, тогда пятилетний, хорошо

помню. – *В.К.*) и на какой-то минимум обряда – старого обряда, украшавшего жизнь, – означает для России восстание из мертвых…».

И далее: «Начиная с убийства Кирова (1 декабря 1934 г.) в России не прекращаются аресты, ссылки, а то и расстрелы членов Коммунистической партии. Правда, происходит это под флагом борьбы с остатками троцкистов, зиновьевцев и других групп левой оппозиции. Но вряд ли кого-нибудь обманут эти официально пришиваемые ярлыки. Доказательства „троцкизма“ обыкновенно шиты белыми нитками. Вглядываясь в них, видим, что под троцкизмом понимается вообще революционный, классовый или интернациональный социализм… Борьба… сказывается во всей культурной политике. В школах отменяется или сводится на нет политграмота. Взамен марксистского обществоведения восстановляется история. В трактовке истории или литературы объявлена борьба экономическим схемам, сводившим на нет культурное своеобразие явлений… Можно было бы спросить себя, почему, если марксизм в России приказал долго жить, не уберут со сцены его полинявших декораций. Почему на каждом шагу, изменяя ему и даже издеваясь над ним, ханжески бормочут старые формулы?.. Отрекаться от своей собственной революционной генеалогии было бы безрассудно. Французская республика 150 лет пишет на стенах „Свобода, равенство, братство“, несмотря на очевидное противоречие двух последних лозунгов самим основам ее существо-

вания; и в самом деле – между богатыми собственниками и наемными рабочими и служащими нет ни „братства“, ни „равенства“…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.